

УДК 330.33.01:332.012.2:338.242.4:339.9.012

DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-18

Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев

МИРОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ЦИКЛИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена проблемам исследования формирования иерархии циклической динамики хозяйственной конъюнктуры различной длительности под воздействием государственного предпринимательства в масштабах мировой и национальной экономики.

Материалы и методы. Применение концепций миросистемного анализа и мультициклических колебаний хозяйственной конъюнктуры позволяет изучать закономерности развития иерархии пространственно-временной макроэкономической динамики и государственного предпринимательства.

Результаты. Характер воздействия государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику определялся иерархией вековых, больших и среднесрочных циклов, статусным положением государства в мирохозяйственной иерархии и проводимой социально-экономической политикой.

Выводы. Исследование установило взаимосвязь мирохозяйственной иерархии государственного предпринимательства с иерархией мультициклических колебаний экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: государственное предпринимательство, мирохозяйственная иерархия, циклическая иерархия, мультициклические колебания экономической конъюнктуры, Бреттон-Вудское соглашение, соглашение «Плаза», монетаристская контрреволюция.

G. A. Cheremisinov, I. O. Pugachyov

GLOBAL ECONOMIC AND CYCLICAL HIERARCHY OF AN IMPACT OF GOVERNMENT ENTREPRENEURSHIP ON MACROECONOMIC DYNAMICS

Abstract.

Background. The article deals with problems of researching the formation of a cyclic dynamics hierarchy of economic situations of varying duration under the influence of government entrepreneurship in the scale of global and national economies.

Materials and methods. Application of conceptions of world-system analysis and multicyclic fluctuations of economic situations allows to study the laws of the hierarchy of spatial-temporal dynamics of macroeconomic and government entrepreneurship.

Results. The nature of the impact of government entrepreneurship on macroeconomic dynamics is determined by the hierarchy of century-long, large and medium-term cycles, the state status in the world economic hierarchy and the ongoing socio-economic policies.

Conclusions. The study has revealed a connection of the world economic government entrepreneurship hierarchy with the hierarchy of multicyclic fluctuations of economic conditions.

Key words: government entrepreneurship, world economic hierarchy, cyclic hierarchy, multicyclic fluctuations in economic conditions, the Bretton Woods agreement, the “Plaza” agreement, the monetarist counter-revolution.

Конъюнктурно-формирующую роль государства в экономике можно результативно исследовать при помощи понятия государственного предпринимательства – стремления к расширению контролируемых хозяйственных ресурсов. Процесс формирования макроэкономической динамики во многом определяется воздействием на него государственных структур различных стран мира, обуславливается статусным положением государства в мировой экономике и проводимой правящей властью социально-экономической политикой. Осевое разделение труда в границах межгосударственной системы определяет три структурные позиции – центр, периферия и полупериферия. Кроме них в сердцевине (ядре) мира-экономики одна страна занимает лидирующее положение гегемона. Держава-гегемон способна устанавливать нормы и волеизъявления в экономике, политике и культуре, опираясь на возможности своих предприятий эффективно действовать в трех основных отраслях – аграрно-промышленной, торговой и финансовой – не только на мировом рынке в целом, но и на внутренних рынках конкурирующих держав [1, с. 41, 97, 168]. В XX в. в мировой экономике утвердилась американская гегемония.

Воздействие государственного предпринимательства формирует мультициклические колебания экономической конъюнктуры разной размерности: вековых циклов гегемонии (столетних циклов накопления капитала), больших циклов Кондратьева (К-циклов) и среднесрочных циклов Жюгляра (J-циклов). Мультициклическая динамика макроэкономической конъюнктуры обуславливает фазовые особенности амплитуды и длительности циклов. Изменения конъюнктуры и режимов функционирования государственного предпринимательства можно использовать для уточнения датировки циклов макроэкономической динамики.

Мирохозяйственная иерархия национальных экономик взаимосвязана с циклической иерархией воздействия государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику. Наиболее фундаментальные процессы в мировой экономике обуславливаются предпринимательской деятельностью государства-гегемона в рамках вековых системных циклов накопления капитала. Дж. Арриги аргументированно доказывал, что принятие и отмена Бреттон-Вудского соглашения определяют динамику современного векового цикла накопления капитала в условиях мировой гегемонии США. Автор отмечает, что мировая валютная система, созданная в Бреттон-Вудсе в 1944 г., была не просто набором технических мер, направленных на стабилизацию паритета между избранными национальными валютами и на прикрепление этого паритета к издержкам производства через фиксированный обменный курс

между американским долларом и золотом. Произошла серьезная революция в основной силе и способе «производства» мировых денег. В предшествующих мировых валютных системах частные банкиры и финансисты организовывали сети крупного финансового капитала и управляли ими. Мировые деньги были побочным продуктом деятельности, направленной на получение прибыли. В Бреттон-Вудской валютной системе «производство» мировых денег осуществлялось сетью правительственных организаций, руководствовавшихся соображениями благосостояния, безопасности и власти, в принципе МВФ и Всемирным банком, а на практике – Федеральной резервной системой Соединенных Штатов. Мировые деньги были побочным продуктом деятельности государства. Вашингтон, а не Нью-Йорк служил основным местом «производства» мировых денег, и соображения безопасности играли первостепенную роль в формировании послевоенного валютного миропорядка [2, с. 355, 356].

В концепции системных (вековых) циклов накопления Дж. Арриги выделил стадии материальной и финансовой экспансии гегемона, а также кризисы гегемонии, сигнализирующие о проблемах, которые могут быть разрешены, хотя и за довольно длительный промежуток времени (сигнальные кризисы), и кризисы, которые не разрешаются и знаменуют конец гегемонии (терминальные кризисы). Государство может оставаться доминантным и после терминального кризиса его гегемонии, в положении господства без гегемонии [3, с. 169].

Признаки сигнального кризиса американской гегемонии проявились в 1968–1973 гг. в трех различных, но тесно связанных между собой областях. В военном отношении американская армия столкнулась с серьезными трудностями во Вьетнаме; в финансовом отношении Федеральной резервной системе оказалось сложно, а затем и невозможно сохранять способ производства и регулирования мировых денег, установленный в Бреттон-Вудсе; и в идеологическом отношении крестовый поход американского правительства против коммунизма постепенно начал утрачивать свою легитимность как внутри страны, так и за рубежом. Кризис быстро нарастал, и к 1973 г. американское правительство отступило по всем фронтам [2, с. 380–381].

Начало каждой финансовой экспансии является началом «сигнального кризиса». Именно в этот момент ведущая сила системных циклов начинает переключать свой капитал с торговли и производства, с материальной экспансии на финансовое посредничество и спекуляции. «Терминальный кризис» означает переключение режима накопления и финансовой экспансии, замену доминирующего режима накопления, включающего подъем, полное развитие и упадок этого режима [2, с. 281]. Таким образом, середина 1970-х гг. – это время, когда Америка вступила в фазу финансовой экспансии, основанной на вывозе капитала, нематериальном производстве, спекуляциях на валютных рынках и строительстве финансовых пирамид.

Можно согласиться с Дж. Арриги в том, что в 1968–1973 гг. проявились признаки сигнального кризиса американской гегемонии. Европа в те годы стала эпицентром «платежного взрыва», обеспечивая игрокам на валютном рынке серьезное орудие в борьбе со стабильностью контролируемой США системы фиксированного валютного курса. Падение этой системы в 1971 г. после отказа от условий Бреттон-Вудского соглашения придало ускорение

«финансиализации» капитала, повысив риски коммерческой и производственной деятельности. Колебания валютного курса стали определяющим фактором состояния денежной наличности корпораций, продаж, доходов и активов в разных странах и разных валютах [3, с. 176].

Но неубедительными представляются рассуждения автора: «Как и в случае ликвидации золотовалютного стандарта доллара десятью годами ранее, главной движущей силой монетаристской контрреволюции 1979–1982 гг. были война и революция на мировом Юге, а не конкуренция между капиталистами... крупнейших экономик мира. Фундаментальные изменения в монетарной сфере снова оказали значительное воздействие как на капиталистическую конкуренцию, так и на классовую борьбу в ведущих промышленных регионах мира. Но сильнейшим стимулом этих перемен был неразрешенный кризис американской гегемонии в третьем мире, а не кризис доходности» [3, с. 152].

«Монетаристская контрреволюция» действительно была событием и процессом глобального масштаба, но ее значимость в мирохозяйственной иерархии была рангом ниже, чем принятие и отмена Бреттон-Вудского соглашения; она не изменила механизма системного – американского – цикла накопления капитала. Поэтому ее корректнее интерпретировать как смену фаз современного К-цикла, учитывая его меньший ранг по сравнению с вековой гегемонией в циклической иерархии.

Изменения в динамике вековых циклов создают условия реализации и соответствующих изменений К-циклов с временным лагом (разрывом) примерно в десять лет, т.е. через один среднесрочный цикл (J-цикл). Так, функционирование мировой валютной системы в рамках Бреттон-Вудского соглашения создало предпосылки для укрепления и восстановления конвертируемости валют индустриально развитых стран.

По инициативе США, которые рассматривали многосторонний клиринг как средство преодоления валютных ограничений и создания единого экономического и валютного пространства для проникновения американского капитала и навязывания доллара, в июне 1950 г. был создан Европейский платежный союз (ЕПС) в составе 17 стран. За счет средств по «плану Маршалла» были профинансированы основной капитал ЕПС (350 млн долл.) и дефицит платежных балансов ряда стран (189 млн долл.). С июня 1950 г. по июль 1954 г. США внесли в ЕПС 1050 млн долл., а затем прекратили прямые вложения капитала, ограничиваясь оказанием помощи и оплатой военных заказов. На базе ЕПС позднее возник Европейский валютный союз (ЕВС) [4]. Соглашение (European Monetary Agreement) было подписано членами Организации европейского экономического сотрудничества и Европейского платежного союза 5 августа 1955 г. и вступило в силу 29 декабря 1958 г. после введения обратимости валют основных западноевропейских стран. Период между подписанием Бреттон-Вудского соглашения в июле 1944 г. и подписанием соглашения о ЕВС в августе 1955 г. соизмерим с длительностью J-цикла.

Последнее событие допустимо считать «знаковым» для начала восходящей А-фазы четвертого К-цикла. Именно с 1958 г. резко ускорился рост мировой экономики, особенно в странах ядра миросистемы. Введение конвертируемости валют развитых капиталистических стран в конце 1950-х гг.

существенно ускорило рост мировой торговли и имело противоречивые последствия для мировой экономики. В 1963–1973 гг. объемы мирового экспорта и мирового промышленного экспорта росли на 42 % быстрее, чем в 1953–1963 гг., и экспорт стал обгонять внутренний выпуск. Рост международной торговли способствовал расширению развитых капиталистических экономик посредством международного разделения труда. Темп роста реальных зарплат сокращался сначала в период растущей прибыльности 1958–1965 гг., а затем в период падения прибыльности 1965–1973 гг. До 1973 г. не было тенденции сокращения темпов роста производительности [5, с. 180, 191, 193].

Государство-гегемон США, ликвидировав золотовалютный стандарт доллара в 1971 г., перевело системный цикл накопления капитала в фазу финансовой экспансии, а функционирование мировой экономики в режим финансиализации. Последовавшая девальвация доллара относительно других свободно конвертируемых валют, проявившаяся также в шоковом взлете цен на нефть, резко ослабила конкурентные позиции ведущих стран, ухудшила условия экспорта их товаров и затормозила рост мировой экономики. Превращение США из нетто-кредитора в нетто-должника перенаправило потоки капитала не только с периферии и полупериферии, но и из центра миросистемы в экономику мирового гегемона. Смена режима функционирования государственного предпринимательства США получила идеологическое, институциональное и экономическое оформление в процессе «монетаристской контрреволюции» в 1979–1982 гг., которая стала знаковым событием надлома конъюнктуры восходящей фазой К-цикла и перехода его в понижательную фазу. Период между отменой Бреттон-Вудского соглашения в 1971 г. и пиком «монетаристской контрреволюции» в 1981 г., когда ФРС подняла учетную ставку до 14 % [6, с. 249], соизмерим с длительностью J-цикла. Наступление стадии финансиализации системного цикла накопления капитала трансформировало и механизм J-цикла, усилив роль валютно-финансовых потоков в генерировании колебаний макроэкономической конъюнктуры. Среднесрочные циклы с 1980-х гг. протекали в форме создания и «схлопывания финансовых пузырей».

Р. Бреннер отмечает: «...замедление роста сопровождалось резким усилением нестабильности. Финансовый сектор во всем мире начал избавляться от оков послевоенного государственного регулирования, и особенно резко – примерно после 1980 г. В результате внезапно и с новой силой возобновились финансовые кризисы, которые удавалось заглушать или вообще предотвращать в первые 25 лет послевоенного периода и в течение некоторого времени после. Мировая экономика снова оказалась во власти все более продолжительных серий долговых, основанных на финансовых пузырях и спекуляции бумов, которые неизменно заканчивались полным крахом. Не случайно, что этот процесс достиг своего рода кульминации в 1990-е гг., когда либерализация рынка капитала распространилась из экономик ядра на развивающиеся страны и череда финансовых расширений и финансовых обвалов покаречила не только экономики Турции, России, Бразилии и Аргентины, но и (к концу десятилетия) НИСы (*новые индустриальные страны*. – И. П.) Восточной Азии, Японию, а также сами Соединенные Штаты» [5, с. 30–31].

Абстрактное противопоставление монетаризма и кейнсианства, дерегулирования экономики и усиления роли государства в формировании колеба-

ний конъюнктуры бессодержательно. Об этом Р. Бреннер пишет, что после того, как П. Волкер в США и М. Тэтчер в Великобритании в соответствии с монетаристской доктриной резко оборвали кредит в 1979 г., запустились процессы долговой дефляции и отраслевой перетряски. Большинство правительств развитого капиталистического мира последовало их примеру. Монетаризм «спасал» экономику ценой ее разрушения. К лету 1982 г., после 18 месяцев ужесточения государственного кредита, американская экономика оказалась на грани краха: число банкротств и безработица достигли уровня Великой депрессии. Монетарные власти США пошли в обратном направлении, возобновили накачку спроса и расширение кредита. ФРС ослабила жесткий денежный режим, администрация президента начала широкомасштабную программу экономического стимулирования, что означало конец американского монетаристского эксперимента.

Администрация Рейгана, который пришел к власти благодаря обещаниям сбалансировать бюджет, запустила эксперимент по кейнсианскому дефицитному финансированию экономики, самый масштабный в мировой истории. Оказалось, что монетаризм не мог быть внедрен без кейнсианства, которое ослабляло монетаристский пыл, увеличивая стабильность посредством растягивания долгого спада экономики во времени [4, с. 302–303].

Переключение режимов функционирования государственного предпринимательства было особенно заметно в формировании макроэкономической динамики J-циклов. Знаковыми событиями государственного предпринимательства, формировавшими среднесрочную макроэкономическую динамику, были соглашения «Плаза» в 1985 г. и ««Плаза» наоборот» в 1995 г.

Пять государств – Великобритания, Западная Германия, США, Франция и Япония – договорились стабилизировать свои валютные курсы, принимая на рынке совместные меры, и заключили соглашение, которое было подписано в отеле «Плаза» в Нью-Йорке, вступило в силу 22 сентября 1985 г. Соглашение «Плаза» (Plaza Agreement) предполагало ослабление доллара на 20 % против японской иены, 15 % против французского франка и 15 % против немецкой марки. В результате валютной интервенции в течение двух лет курс доллара снизился на 46 % относительно немецкой марки и на 50 % относительно японской иены.

Благодаря ревальвации иены и марки после подписания соглашения в «Плазе» в 1985 г. конкурентоспособность и прибыльность американских производителей улучшилась. Но повышение конкурентоспособности США за счет девальвации доллара, замедления роста зарплат и жесткой макроэкономической политики правительства ухудшило состояние экономики Германии и Японии, замедлило расширение мирового спроса. Преимущество в относительных издержках позволило американским производителям повысить свои экспортные доли и нанести урон иностранным конкурентам. Это была игра с нулевой суммой [4, с. 265]. В 1990–1996 гг. среднегодовые темпы роста ВВП в США упали по сравнению с 1979–1990 гг. на 25 %, в экономиках стран G-7 – на 45 %. Каждый из циклических подъемов с начала 1980-х гг. был менее динамичным, чем те, что ему предшествовали [4, с. 311, 312].

Такая макроэкономическая динамика свидетельствует о нисходящей фазе K-цикла, для которой характерно успешное развитие лишь отдельных стран. В течение полутора десятилетий, вплоть до 1996 г., Северо-Восточная

и Юго-Восточная Азия были единственным центром динамичного накопления капитала, в то время как вокруг мировой капитализм стагнировал [4, с. 408]. Застой в центре мироэкономики стимулировал отток капитала на периферию и полупериферию. За 1985–1990 гг. германские прямые инвестиции за рубеж выросли более чем втрое, а иностранные инвестиции в Германию застопорились. Для прибыльного вложения капитала внутри промышленности Германии не хватало возможностей [4, с. 370].

Скоординированные международные усилия, предпринятые для преодоления глубокого циклического спада первой половины 1990-х гг., создали условия для становления «новой экономики», но снизили прибыльность, возрождение которой в течение десяти лет позволяло американской экономике восстанавливаться. К 1995 г. иена достигла своего исторического максимума в 79 единиц за доллар, что было в четыре раза выше, чем в 1971 г., и японский промышленный сектор начал глохнуть. Сделка стран G-3 (США, Германии и Японии), получившая название «обратного соглашения в Плазе», весной 1995 г. поддержала стабильность всей системы и предотвратила паническую распродажу японцами долгосрочных облигаций Казначейства США. Державы «большой тройки» согласились спасти Японию и Германию, опустили курсы иены и марки и подняли курс доллара, вернув мировую экономику примерно в положение первой половины 1980-х гг., когда доллар укреплялся, а иена и марка дешевели. После «обратного соглашения в Плазе» курс доллара к марке вырос на 20 %, к иене – на 50 % [4, с. 454]. Соединенные Штаты, Германия и Япония «открыли шлюзы», и огромные потоки денег наводнили рынки инструментов американского Казначейства. Восточноазиатские правительства, а также спекулянты хедж-фондов со всего мира последовали их примеру. Банк Японии снизил внутренние процентные ставки, сделал приобретение американских долговых обязательств и американской валюты предпочтительным.

Освобожденный от строгого регулирования американский финансовый сектор в условиях невысоких корпоративных прибылей создал сенсационный перекося в распределении средств в пользу бумажных активов высокотехнологического сектора и столь же чудовищный переизбыток зданий, оборудования и программного обеспечения в соответствующих промышленных отраслях, в особенности производстве информационных технологий. Финансовый пузырь на бирже лопнул в 2000 г. [4, с. 483].

То, что некоторые экономисты называют восходящей волной очередного K-цикла с новым технологическим укладом на основе микроэлектроники и информационных технологий [5–8], на деле оказалось обычным среднесрочным циклом.

По верному замечанию Дж. Арриги, «регайномика монетаризма» означала не уменьшение роли государства в экономике, а лишь изменение способа участия государства в национальной и мировой экономике. Суть монетаристской контрреволюции состояла в перенесении акцента государственной деятельности с предложения на спрос в ходе продолжавшейся финансовой экспансии. Монетаристская контрреволюция была не изолированным событием, но процессом, которым надо было управлять [3, с. 179]. По мнению ученого, монетаристская контрреволюция 1979–1982 гг. стала более важным поворотным пунктом в развитии американского и мирового капитализма, чем

соглашение «Плаза» 1985 г. или соглашение ««Плаза» наоборот» 1995 г., которому Р. Бреннер приписывает такое или даже большее значение [3, с. 174].

С точкой зрения Дж. Арриги следует согласиться, поскольку она раскрывает циклическую иерархию воздействия государственного предпринимательства на формирование макроэкономической динамики. Монетаристская контрреволюция 1979–1982 гг. стала поворотным пунктом в длинноволновом развитии мировой экономики, знаменовала собой начало Б-фазы современного К-цикла. Соглашения «Плаза» 1985 г. и ««Плаза» наоборот» 1995 г. были изменениями среднесрочной динамики мировой экономической конъюнктуры.

В XXI в. имели место изменения макроэкономической динамики, аналогичные рассмотренным выше соглашениям «Плаза» 1985 г. и ««Плаза» наоборот» 1995 г. Период относительно дорогого доллара наступил после соглашения ««Плаза» наоборот». Индекс доллара (отношение курса доллара США к корзине валют: евро, японской иене, фунту стерлингов, канадскому доллару, швейцарскому франку, шведской кроне), поддерживаемый до 2000 г. высокими процентными ставками ФРС (5,5–6,5 %), вырос с 80 п.п. в 1995 г. до 120 п.п. в 2001–2002 гг.¹ С наступлением кризиса в 2000 г. произошло пороговое изменение государственного предпринимательства США в сторону снижения курса доллара подобно соглашению «Плаза» 1985 г. Федеральная резервная система (ФРС) уменьшила процентные ставки с 6,5 % в 2000 г. до 1 % в 2003 г., накачивая рынки ликвидностью. Но до 2002 г. индекс доллара имел восходящую динамику, поскольку на фондовом рынке сдувался «пузырь доткомов». Сброс дешевевших ценных бумаг вызвал всплеск спроса на валюту, поддерживая высокий курс доллара. После схлопывания финансового пузыря индекс доллара опустился с 120 п.п. в 2002 г. до 70 п.п. в 2008 г.² Снижение индекса доллара не остановил рост процентных ставок ФРС с 1,25 % в 2004 г. до 5,25 % в середине 2006 г.

Противоречивая макроэкономическая динамика обуславливалась нарастанием государственного долга США, распространением денежных деривативов (заменителей денежной ликвидности), наращиванием ипотечного кредитования и формированием очередного финансового пузыря на рынке недвижимости, схлопывание которого в 2008 г. стало очередным изменением государственного предпринимательства в финансовой сфере. Руководство ФРС в 2007–2008 гг. снизило процентные ставки до минимального уровня 0,25 %, сохранив его до 2015 г.³ Стабильно низкий индекс доллара в интервале 70–85 п.п. сохранялся до середины 2014 г.⁴

«Обнуление» процентных ставок исчерпало возможности этого инструмента пополнения ликвидности, и для восстановления американской эко-

¹ ФРС наскучили низкие процентные ставки в США // Информационный интернет-портал «Форекс». – URL: http://www.forex.com/ru/special_report_interest_rates_ru.pdf (дата обращения: 08.09.2015).

² Динамика индекса доллара 2001–2012 // Информационный интернет-портал «Tradingfloor.com». – URL: <https://ru.tradingfloor.com/images/article/original/3f9507c8-3f19-428a-842b-8ef0339f558e.jpg> (дата обращения: 07.09.2015).

³ Ставка ФРС США // Официальный сайт компании «РосБизнесКонсалтинг». – URL: <http://quote.rbc.ru/macro/indicator/24/95.shtml> (дата обращения: 07.09.2015).

⁴ Индекс доллара // Официальный сайт компании «Finanz». – URL: <http://www.finanz.ru/indeksi/sredstva-grafika/us-dollar-index> (дата обращения: 07.09.2015).

номики с марта 2009 г. ФРС начала проводить политику количественного смягчения (Quantitative easing) посредством покупки ценных бумаг (QE1) на 1,75 трлн долл. Столкнувшись с медленным ростом выпуска и занятости, в ноябре 2010 г. ФРС приступила к покупке долгосрочных ценных бумаг казначейства США на сумму 600 млрд долл. (QE2). Затем до конца 2012 г. ФРС реализовала программу покупки долгосрочных US Treasuries и встречную продажу краткосрочных облигаций на сумму свыше 650 млрд долл. С сентября 2012 г. по октябрь 2014 г. ФРС осуществляла третью программу (QE3) выкупа активов, обеспеченных ипотечными ценными бумагами, в объеме 40 млрд долл. в месяц [9, с. 56, 57].

Вплоть до 2014 г. правительство США посредством механизма государственного долга и ФРС при помощи инструментов монетарного регулирования накачивали ликвидность в обращение и проводили политику дешевого доллара. Статистические данные подтверждают нисходящую динамику индекса доллара и валютного курса доллара по отношению к евро и особенно к японской иене¹ и восходящую динамику долларовых цен золота и нефти в 2002–2014 гг.²

В июне 2014 г. ФРС заявила о намерении завершить программу количественного смягчения к концу октября 2014 г. [9, с. 56], и началось снижение мировых биржевых котировок цен на нефть [10]. Совпадение пороговых изменений монетарной политики США и динамики нефтяных цен не случайно; по оценкам экспертов, 95–98 % рынка нефти – это фьючерсы, реальные контракты на поставку нефти – не более 5 %³.

Прекращение политики количественного смягчения ФРС в 2014 г. стало пороговым изменением государственного предпринимательства мирового гегемона, аналогичным соглашению «Плаза» наоборот», после которого наступил период дорогого доллара относительно резервных валют. Повторение через среднесрочные временные интервалы пороговых изменений в конкурентном взаимодействии страны гегемона и стран ядра миросистемы показывает наличие соответствующих закономерностей – повторяющихся причинно-следственных связей в экономических отношениях и процессах.

Поэтому закономерным можно считать анонсирование и проведение политики количественного смягчения Европейским центральным банком (ЕЦБ) с января 2015 г. по сентябрь 2016 г. Планируется направить в европейскую экономику 1,1 трлн евро. ЕЦБ намеревается выкупать долговые облигации с инвестиционным рейтингом [11]. Курс евро по отношению к доллару начал снижение с мая 2014 г., когда заговорили о сворачивании программы количественного смягчения в США. По прогнозам аналитиков, курс европейской валюты продолжит снижение до паритета в паре евро/доллар в 2016 г. [12].

¹ Индекс доллара // Официальный сайт компании «Finanz». – URL: <http://www.finanz.ru/indeksi/sredstva-grafika/us-dollar-index> (дата обращения: 07.09.2015); Соотношение курса валют доллар США – японская иена // Официальный сайт компании «Finanz». – URL: <http://www.finanz.ru/valyuty/grafik/usd-jpy>; Соотношение курса валют доллар США – ЕВРО // Официальный сайт компании «Finanz». – URL: <http://www.finanz.ru/valyuty/grafik/USD-EUR> (дата обращения: 03.10.2015).

² Динамика цены нефти // Официальный сайт компании «Finanz». – URL: <http://www.finanz.ru/birzhevyye-tovary/grafik/neft-cena> (дата обращения: 08.09.2015).

³ Новая нефтяная реальность // Интернет-журнал «Эксперт ONLINE». – URL: <http://expert.ru/expert/2015/36/novaya-neftyanaaya-realnost/> (дата обращения: 31.09.2015).

Таким образом, воздействие государственного предпринимательства формировало мультициклические колебания экономической конъюнктуры, проявлялось в динамике вековых циклов гегемонии, К-циклов и среднесрочных J-циклов. Значимость мероприятий государственного предпринимательства обуславливалась и обуславливалась иерархией циклических колебаний различной длительности. Характер (сила, формы, средства, цели, время) воздействия определялся статусным положением государства в мирохозяйственной иерархии и проводимой социально-экономической политикой.

Список литературы

1. **Валлерстайн, И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
2. **Арриги, Дж.** Долгий XX век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. – М. : Территория будущего, 2006. – 472 с.
3. **Арриги, Дж.** Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. – М. : Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
4. **Бреннер, Р.** Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 / Р. Бреннер. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 552 с.
5. **Глазьев, С. Ю.** О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии / С. Ю. Глазьев // Официальный сайт С. Ю. Глазьева. – URL: <http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a77459b.doc> (дата обращения: 30.10.2014).
6. **Коротаев, А. В.** Кондратьевские волны в мир-системной перспективе / А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин // Кондратьевские волны: Аспекты и перспективы. – Волгоград : Учитель, 2012. – С. 58–109.
7. **Пантин, В. И.** Длинные волны и перспективы мирового социально-политического развития в первой половине XXI в. / В. И. Пантин // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 121–130.
8. **Перес, К.** Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 232 с.
9. **Кавицкая, И. Л.** Политика ФРС в условиях современного кризиса / И. Л. Кавицкая // Terra economicus. – 2014. – Т. 12, № 4. – С. 52–58.
10. **Хуршудов, А. Г.** Технический анализ котировок нефти Brent / А. Г. Хуршудов // Информационный интернет-портал «Мировой кризис – хроника и комментарии». – URL: http://worldcrisis.ru/crisis/wc_2042443 (дата обращения: 31.08.15).
11. **Ратников, А.** ЕЦБ запустил программу количественного смягчения на €1,1 трлн / А. Ратников // Официальный сайт компании «РосБизнесКонсалтинг». – URL: <http://top.rbc.ru/finances/22/01/2015/54c0fd9a9a7947a4affe7c6c> (дата обращения: 09.09.2015).
12. **Орлов, А.** Европу зальют деньгами / А. Орлов, В. Тодоров // Официальный сайт информационного агентства «Газета.Ру». – URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/01/19/6380553.shtml> (дата обращения: 03.09.2015).

References

1. Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, 416 p.
2. Arrigi Dzh. *Dolgiy XX vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The long XXth century: Money, power and origins of our times]. Moscow: Territoriya budushchego, 2006, 472 p.

3. Arrigi Dzh. *Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek* [Adam Smith in Beijing: what has the XXIst century inherited]. Moscow: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009, 456 p.
4. Brenner R. *Ekonomika global'noy turbulentnosti: razvitye kapitalisticheskie ekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada, 1945–2005* [Economics of global turbulence: development of capitalistic economy in the period between the long boom and the long drop, 1945–2005]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2014, 552 p.
5. Glaz'ev S. Yu. *Ofitsial'nyy sayt S. Yu. Glaz'eva* [The official website of S. Yu. Glazev]. Available at: <http://glazev.ru/upload/iblock/36e/36e7f951026a2c71de9fc7250a77459b.doc> (accessed October 30, 2014).
6. Korotaev A. V., Grinin L. E. *Kondrat'evskie volny: Aspekty i perspektivy* [Kondratyev waves: aspects and prospects]. Volgograd: Uchitel', 2012, pp. 58–109.
7. Pantin V. I. *Prognoz i modelirovanie krizisov i mirovoy dinamiki* [Forecasting and simulating crises and world dynamics]. Moscow: LIBROKOM, 2009, pp. 121–130.
8. Peres K. *Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya* [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and prosperity periods]. Moscow: Izd. dom «Delo» RANKhiGS, 2013, 232 p.
9. Kavitskaya I. L. *Terra economicus*. 2014, vol. 12, no. 4, pp. 52–58.
10. Khurshudov A. G. *Informatsionnyy internet-portal «Mirovoy krizis – khronika i komentarii»* [Information internet-portal “World crisis – chronicle and comments”]. Available at: http://worldcrisis.ru/crisis/wc_2042443 (accessed 31 August 2015).
11. Ratnikov A. *Ofitsial'nyy sayt kompanii «RosBiznesKonsalting»* [Official website of the “RosBusinessConsulting” company]. Available at: <http://top.rbc.ru/finances/22/01/2015/54c0fd9a9a7947a4affe7c6c> (accessed September 9, 2015).
12. Orlov A. *Ofitsial'nyy sayt informatsionnogo agentstva «Gazeta.Ru»* [Official website of the “Gazeta.Ru” agency]. Available at: <http://www.gazeta.ru/business/2015/01/19/6380553.shtml> (accessed September 3, 2015).

Черемисинов Георгий Александрович
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

Пугачев Илья Олегович
аспирант, Саратовский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: ilya_ov@mail.ru

Cheremisinov Georgy Aleksandrovich
Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and national
economy, Saratov State University
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

Pugachyov Ilya Olegovich
Postgraduate student, Saratov State
University
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 330.33.01:332.012.2:338.242.4:339.9.012

Черемисинов, Г. А.

Мирохозяйственная и циклическая иерархия воздействия государственного предпринимательства на макроэкономическую динамику /
Г. А. Черемисинов, И. О. Пугачев // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 160–170.
DOI: 10.21685/2072-3016-2016-2-18